

УДК 93 (091)

DOI: 10.17223/19988613/60/12

А.С. Шестопалова, В.В. Шевцов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ОФИЦЕРА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Предпринята попытка выявить институты формирования и трансляции образа офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Основное содержание исследования составляет анализ понятия «образ прошлого». Авторами обосновывается мысль о том, что категория «образ» в настоящее время используется в качестве интеллектуального исследовательского конструкта.

Ключевые слова: образ прошлого; офицер российской армии; сознание общественности.

В последнее время среди исследователей возрос интерес к проблемам, связанным с формированием, содержанием и реконструкцией образов прошлого, образов исторической реальности. Во многом это было обусловлено структурными изменениями, произошедшими в сфере гуманитарных наук в конце XX – начале XXI в. Поиск новых методологических ориентиров, выработка новой парадигмы исторического знания привели к тому, что в качестве одного из главных предметов исследований становятся не события прошлого, а его образы, запечатленные в сознании общественности. По замечанию О.Б. Леонтьевой, российские историки обобщающий термин «образ» относят к самым разнообразным феноменам общественного сознания и культуры [1. С. 8]. Среди исследователей особенно вырос интерес к реконструкции представлений общественности о событиях, которые ознаменовали собой переходную эпоху в жизни общества.

В начале XX в. в России происходит быстрый социальный сдвиг. Под его влиянием стремительно падает авторитет офицеров, которые еще недавно были одной из самых статусных социальных групп. Рост социально-политической напряженности и политизация общества способствовали изменению не только положения и статуса русского офицера, но и его образа в сознании российской общественности. На данном отрезке исторического процесса не только постоянно изменялось отношение общества к военным, но и трансформировались представления офицеров об обществе и о своей профессии.

Актуальность настоящей работы обусловлена несколькими положениями. Во-первых, реконструкция образа офицера в сознании российской общественности открывает возможность воссоздать свойственные рассматриваемой эпохе ценностные установки, мировоззренческие ориентиры, представления о героях и антигероях. Во-вторых, обращение к этим сюжетам также позволяет зафиксировать компоненты, отвечающие за формирование идентичности российского общества в период социально-политических потрясений начала XX в. В-третьих, без осмысления данной

проблемы невозможно в полной мере изучить, как складывался диалог между миром военных и миром гражданских лиц.

Изучению истории офицерского корпуса в настоящее время посвящено немало исследований, несмотря на то что длительное время история российского офицерского корпуса находилась вне поля зрения профессиональных историков и рассматривалась с позиций существующих идеологических штампов и установок. Со второй половины 1980-х гг. под влиянием новых веяний в исторической науке увеличился интерес к военно-исторической проблематике. Появился ряд фундаментальных работ, посвященных различным аспектам жизни офицеров царской армии. Стоит отметить работы С.В. Волкова [2], в которых рассмотрен широкий спектр сюжетов, связанных с жизнью императорской армии от ее зарождения до краха. Особое внимание автор уделил системе прохождения службы, вопросам профессиональной подготовки, особенностям быта и материального положения офицеров. И.Н. Гребенкин [3] в своих работах обратился к анализу формирования политических взглядов офицеров в 1905–1907 гг. и в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Большое значение имеет монография В.Л. Кожевина [4]. Автор рассмотрел ключевые аспекты истории российского офицерства накануне и в начальный период революции 1917 г. Один из разделов историк посвятил анализу социального пространства офицерства, им были рассмотрены традиции и обычаи военной школы, внутрикорпоративные взаимодействия, взаимоотношения офицерства с другими социальными группами, преимущественно с интеллигенцией, а также взаимоотношения в армейской семье. В.Л. Кожевин обратил внимание на существование феномена гипертрофированного критицизма по отношению к офицерам. В.Н. Суряев свою работу посвятил изучению офицерского корпуса в 1900–1917 гг. [5] Он рассмотрел влияние разных событий на положение и состояние офицеров российской армии, а также взаимоотношения армии и общества. Н.Ю. Бринюк [6], С.А. Поляков [7], В.Ю. Закиров [8] обратилась к изучению морально-

психологического состояния и мировоззренческих установок русских офицеров в начале XX столетия. Авторы проанализировали влияние различных событий на ухудшение морально-психологического состояния российских офицеров накануне и в период революционных потрясений 1917 г., рассмотрели кризисные явления в корпорации офицеров во взаимосвязи с изменениями социальной структуры общества в целом, а также с трансформацией офицерского корпуса в период Первой мировой войны как профессиональной группы.

Несмотря на то, что был накоплен немалый материал по истории различных аспектов жизни и службы российского офицерства, в настоящее время отсутствуют специальные работы, посвященные реконструкции образа офицера в сознании общественности в начале XX в.

Цель настоящей работы заключается в выявлении институтов формирования и трансляции образов офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Эта проблема является органической частью более широкого исследования, предполагающего непосредственно реконструкции образа офицера и фиксации этапов его трансформации в общественном сознании. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько методологических проблем.

При реконструкции образа офицера сразу встает вопрос о понятии «образ». В настоящее время изучению данной категории посвятили свои работы не только историки, но и психологи, культурологи, искусствоведы, литераторы, социологи, философы и др. Все это предопределило существование различных подходов к понятию «образ». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова образ рассматривается как «наглядное представление о ком- или о чем-либо» [9. С. 435]. В философии утвердилось понимание образа как результата и идеальной формы отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. В искусстве сложилось понимание образа как некоего обобщенного художественного отражения действительности. Разнообразие дефиниций в данном случае отнюдь не связано с неразработанностью или недостаточным исследовательским интересом. Скорее, это обусловлено сложностью и многогранностью данной категории.

В настоящей работе под образом прошлого мы будем понимать устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании. Данное определение предложила Л.Н. Мазур в работе «Образ прошлого: формирование исторической памяти» [10. С. 251]. В этой статье она также предложила выделить несколько структурных элементов образа, таких как знак / имя, форма / описание, пространство образа [Там же]. Таким образом, перед нами разные по своей сложности и уровню проявления структурные компоненты. О.Б. Леонтьева под образом понимает «вторую реальность», которая существовала в головах людей ушедших эпох [1. С. 9]. Н.Н. Родигина при исследовании образа Сибири подчеркивала, что «образ многогранен, поскольку разные его стороны обращены разным адресатам, и противоречив, поскольку в коллективном сознании уживаются

прямо противоположные представления об одном и том же объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств» [11. С. 45–46].

В настоящее время, на наш взгляд, уместно говорить об «образе прошлого» как об интеллектуальном исследовательском конструкте, с помощью использования которого вскрываются новые факты при изучении прошлого. Так, образ офицера в сознании российской общественности представляет собой некую абстрактную реальность, которая состоит из разных компонентов.

Представления об офицерах российской армии в общественном сознании, на наш взгляд, находятся в тесной взаимосвязи с обыденными знаниями о событиях прошлого, в том числе и недавнего [12. С. 69]. Обыденные знания об офицерах у общественности формировались на основе личного опыта и социального знания. В той или иной степени, представителям различных социальных групп в повседневной жизни приходилось сталкиваться с офицерами российской армии. И, действительно, не всегда опыт взаимодействия представителей мира военных и мира штатских был положительным. В отечественной публицистике содержится много примеров высокомерного и пренебрежительного отношения офицеров ко всем, кто не в форме [13. С. 207]. Один из главных критиков офицерского корпуса публицист П.М. Пильский указывал, что «незримая стена между гражданскими и военными была настолько велика, что представители последних входили в толпу «обыкновенных людей» лишь в качестве карателей и мстителей для усмирения» [13. С. 213]. Негативный опыт взаимодействия различных социальных групп с офицерами российской армии способствовал формированию их образа как представителей «замкнутой, мертвой касты» со своим набором правил и привилегий.

Значительное влияние на формирование образа офицера оказывало и социальное знание, которое создавалось на основе получения информации из различных источников. В начале XX в. одним из главных источников получения информации являлась периодическая печать. Об этом свидетельствовало увеличение числа периодических изданий, расширение их проблематики, появление специализированных изданий [14. С. 6]. Первоначально обсуждение вопросов армейской жизни велось только на страницах военной прессы. На рубеже XIX–XX вв. в печатных органах Военного министерства – «Военном сборнике», «Разведчике», «Русском инвалиде» – рассматривались, как правило, вопросы, связанные со службой и бытом офицеров.

После русско-японской войны и первой русской революции стали активно подниматься и обсуждаться проблемы, связанные с мировоззрением, ценностными установками, традициями, положением офицеров российской армии, их взаимоотношениями внутри корпорации и с миром штатских, со спецификой военной жизни и быта, не только на страницах военной периодики, но и гражданской. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что к началу XX столетия отечественная периодическая печать представляла собой

самостоятельную силу. Она не только своевременно информировала население о событиях современной жизни, выражала общественное мнение различных социальных групп, но и оказывала влияние на формирование общественного настроения. Таким образом, периодическая печать способствовала не только трансляции социального знания о различных компонентах жизни и службы офицеров, но и формированию и закреплению определенных образов за офицерами российской армии в сознании общественности. Материалы периодической печати наряду с устными каналами передачи информации, системой образования, местами памяти начинают играть роль главного механизма трансляции существующих общественных представлений об офицерстве. Задача данного механизма заключалась в распространении различных представлений о деятельности и поведении офицеров.

При обращении к материалам периодической печати всегда надо помнить о специфике данного исторического источника. Как правило, они содержат многочисленные заметки о жизни, службе, быте офицеров. Отличительной чертой гражданской периодики начала XX в. являлось то, что так называемому «офицерскому вопросу» уделялось значительное внимание, а обсуждение того или иного вопроса сопровождалось оценочными суждениями, которые создавали определенный фон для восприятия информации. Газетные или журнальные статьи могли и вовсе не составлять мнения автора в полной мере. Но, к сожалению, зачастую сопоставить их с другими источниками мы не можем, поскольку многие заметки оставались без подписи или под псевдонимом. Тем не менее материалы периодической печати в начале XX столетия стали той площадкой, в рамках которой происходило определенное преобразование информации в образы прошлого.

На страницах отечественной периодики бытовали различные образы офицеров российской армии, разные оценки их поступков, связанные как с профессиональной сферой, так и с повседневностью. Стоит подчеркнуть, что образ офицера не был статичным. Восприятие общественностью офицерского корпуса изменялось под воздействием различных событий. Так, в военное время интерес к офицерам и армии возрастал, в мирное же время шел по нисходящей линии.

В 1904 г., с началом войны на Дальнем Востоке, увеличился интерес российской общественности к событиям на фронте, жизни и службе армии и офицерства. На страницах отечественных периодических изданий публицисты рассуждали о целях военной кампании на Дальнем Востоке, выражали свое отношение к войне, характеризовали деятельность военачальников. В одном из номеров «Вестника Европы» за 1904 г. при описании общественных настроений указывалось, что «известия о ходе военных действий ожидаются с лихорадочным нетерпением. Победа вызывает общий бурный восторг. Поражение – повергает в уныние» [15. С. 472].

Русско-японская война стала своеобразным экзаменом на сплоченность российского общества и армии. Следующие одно за другим поражения в 1904–1905 гг. привели к поиску причин неудач русского

оружия, поиску виновных в провале военной кампании. Многие отечественные публицисты пытались найти причины военных неудач именно в действиях российских офицеров. Так, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья публициста Д. Баландина, который считал, что главной причиной поражения в русско-японской войне являлась слабость полководцев. Он утверждал, что «вечные колебания и нерешительность действий командующего армией подорвали веру в твердость его решений» [16. С. 85]. В журнале «Мир божий» публицист Н.П. Азбелев указывал, что за последние 20 лет в среде морского офицерства произошли изменения. Он с горечью отмечал, что у них наблюдается не только равнодушие к своему делу, но как будто даже полное отсутствие интереса к нему [17. С. 40].

Таким образом, поражение на фронте способствовало формированию представлений в общественном сознании об офицерах как о слабых, нерешительных, бездарных военачальниках. В периодике 1904–1905 гг. появляются статьи, содержащие описания случаев некомпетентного поведения отдельных представителей офицерского корпуса. Российская общественность воспринимала эту информацию и экстраполировала ее на всю офицерскую среду.

Одним из главных виновников сдачи Порт-Артура был объявлен генерал-адъютант, комендант военной крепости А.М. Стессель. Про него распространились различные слухи, в том числе о том, что он продал Порт-Артур японцам за 16 млн руб. [18. Л. 1]. Слухи представляли собой один из источников формирования и распространения общественных представлений. По замечанию Б.И. Колоницкого, слухи – в том числе и самые фантастические – представляют собой вполне реальный фактор исторического процесса, они могли организовать важные события, определяя действия современников [19. С. 20].

На примере ситуации с А.М. Стесселем прослеживается интересный сюжет о необходимости поиска виновных в национальной неудаче. Он был обвинен в необоснованной сдаче Порт-Артура японским войскам, за что приговорен к расстрелу; позже наказание было изменено на десятилетнее заключение в Петропавловской крепости. Уже через год, в 1909 г., император Николай II в день своего рождения помиловал А.М. Стесселя. Данный правительственный маневр был осуществлен для умиротворения общественности, для свершения правосудия над виновниками, которых так стремительно пыталось найти российское общество. Об этом напрямую свидетельствуют записи в дневнике Николая II. В дневниковой записи Николая Александровича от 17 февраля 1905 г. сообщалось: «Приехал Стессель – герой Порт-Артура, и завтракал с нами. Много говорили с ним про осаду» [20. С. 5]. В качестве подтверждения также выступает сообщение А.М. Стесселя о том, что в заточении он находился в достаточно неплохих условиях [18. Л. 4].

Об освобождении узников было известно за сутки, и уже к моменту освобождения собралось большое количество корреспондентов и фотографов, в том числе и иностранных. Это свидетельствует о том, что это

дело имело общественный резонанс. Данное положение подтверждает и тот факт, метко подмеченный корреспондентом «Петербургского листа», что «к вечеру 5-го мая весть об освобождении уже облетела весь город. Особенно горячо приняли эту весть члены кружка порт-артуровцев» [18. Л. 17]. «Ко времени своего освобождения А.М. Стессель получил более двух десятков поздравительных телеграмм, главным образом от офицеров-артуровцев, в том числе и от подполковника Ясененского и Аноева, поручика Гринцевича. Еще большее количество приветственных и поздравительных телеграмм» [Там же. Л. 3].

Все эти факты свидетельствуют о том, что в общественном сознании, главным образом с помощью периодической печати, были найдены так называемые виновники поражения в русско-японской войне.

При работе с периодической печатью как с одним из главных механизмов трансляции образа офицеров, наряду с использованием традиционных исторических методов, необходимо обращение к дискурс-анализу. Под дискурсом мы понимаем особый способ общения и понимания социального мира [21. С. 18]. Использование дискурс-анализа дало возможность выявить доминирующие концепты, используемые при характеристике офицерского корпуса на страницах отечественной периодики.

Так, со страниц гражданской периодической печати в начале XX в. активно транслировался образ офицерского корпуса как замкнутой касты с особым набором привилегий, «входы» и «выходы» в которую строго охранялись. Среди бытующих характеристик представителей офицерского корпуса можно встретить сравнение с «гидрой милитаризма». С негативной точки зрения публицистами рассматривался концепт чести офицера. По мнению публициста П.М. Пильского, «она носила ложный, уродливый характер и проявлялась в офицерской среде, прежде всего, в гордости за безнаказанность при оскорблении и избиении штатских, в стремлении выслужиться, в дуэлях» [13. С. 221].

Всеобщее обсуждение проблем военного быта, сопровождающееся компрометирующими примерами поведения офицеров на службе и в быту, создало условия социального дискомфорта для офицеров. Современники событий вслед за завершением русско-японской войны говорили о феномене бегства офицеров из армии. Публицист М.О. Меньшиков описывал эту ситуацию следующим образом: «Отодвиньте позор войны и верните почет, сделайте так, чтобы офицер не краснел в обществе и не чувствовал себя неловко даже в своем кругу, – и бегство остановится» [22. С. 33].

Таким образом, мнения общественности об офицерах разделились. Анализ периодических изданий, таких как «Русское богатство», «Русский Вестник», «Русская мысль», «Московские ведомости» и др., показал, что в начале XX в. условно можно выделить три направления взглядов общественности по отношению к представителям офицерского корпуса. К первому относится та часть общества, которая стояла на позициях непримиримой критики офицеров, их мировоззрения, ценностей, действий, взаимоотношений офицеров как в «армейской семье», так и с гражданскими

лицами [23. С. 86]. Во втором направлении, напротив, преобладали тенденции, направленные на активную защиту офицерского корпуса, его традиций и способа формирования [24]. Консолидация защитников офицерского корпуса произошла вскоре после публикации «Поединка» А.И. Куприна в мае 1905 г. В защиту чести офицеров выступили не только военные, но и часть публицистов гражданских периодических изданий. Третье направление характеризовала умеренная критика некоторых аспектов жизни и службы офицерского корпуса. При этом данные критические замечания носили конструктивный характер и способствовали установлению диалога между миром военных и миром штатских. Установление диалога, в свою очередь, могло помочь разрешить одну из главных проблем – систему противоречивых взаимоотношений между армией и обществом. Соглашаясь с некоторыми критическими высказываниями, представители данного направления пытались предложить ряд мер по их устранению [25. С. 691]. О.Б. Леонтьева указывала, что наличие в сознании современников зеркально противоположных образов одних и тех же событий может трактоваться как свидетельство соперничества нескольких представлений о том, вокруг каких ценностей должно объединиться общество [26. С. 426-427]. Сосуществование совершенно противоположных образов офицера российской армии в общественном сознании свидетельствовало о соперничестве взглядов на дальнейшее развитие Российской империи, поскольку армия и офицерский корпус являлись одним из столпов императорской России.

Реконструкция образа офицера ведет не только к воссозданию общественных взглядов об офицерстве, но и к постановке других дискуссионных вопросов. В частности, необходимо определить, каковы причины создания именно такого образа офицера, почему именно в этот период и для каких целей. Появление негативного образа офицера в сознании российской общественности было обусловлено комплексом причин. Многие исследователи и современники отмечали, что в XX столетии изменилась традиционная система ценностей и морально-психологический климат в обществе. По замечанию В.Н. Суряева, «все больше и больше людей считали смыслом жизни максимальное обогащение и карьеру... соответственно, такие понятия, как служение Отечеству, патриотизм, долг, героизм, честь в общественном сознании стали терять прежнюю значимость» [5. С. 46]. Не менее важным фактором стало падение престижности военной службы и снижение социального статуса офицеров. Серьезным ударом по авторитету представителей офицерского корпуса стало поражение в русско-японской войне. Общественность Российской империи в офицерстве видела одних из главных виновников национальной неудачи в войне 1904–1905 гг. Свою роль сыграло участие армии в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг., способствовавшее конструированию в сознании общественности представлений об офицерах как единственных защитниках самодержавия и противниках установления демократических прав и свобод. Носители революционной идеологии усматри-

вали в офицерах русской армии главную опору царизма. Также не менее важной причиной трансформации представлений общества об офицерстве стала острая критическая кампания против представителей офицерского корпуса, развернувшаяся на страницах отечественных периодических изданий.

Со страниц отечественной периодики транслировались различные описания действий офицеров как на службе, так и в быту, а образы приобретали разнообразные формы. Поражение в русско-японской войне, участие офицеров в подавлении революции 1905–1907 гг., процессы демократизации – все это характеризовало пространство, в котором формировались и существовали образы офицеров. Данный социальный контекст предопределил появление негативных представлений об офицерах в сознании российской общественности.

Таким образом, существует несколько методологических проблем при реконструкции образа офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Во-первых, образ прошлого представляет собой один из самых сложных конструктов, в котором переплетено множество свойств и особенностей пространственно-временной организации со своей эмоциональной окрашенностью. Во-вторых, вековая страница истории нашего государства не позволяет в полной мере воссоздать источники формирования того или иного образа.

И только анализ материалов периодической печати как главного механизма трансляции позволяет реконструировать представления разных социальных групп об офицерах российской армии. Так, материалы периодической печати, с одной стороны, выступают в качестве механизма трансляции образов, а с другой – являются одним из источников формирования тех же образов. Использование дискурс-анализа позволило выявить доминирующие характеристики представителей офицерского корпуса. Образ офицера как своеобразный интеллектуальный конструкт представляет собой совокупность различных оценок и взглядов российской общественности на поведение военачальников на службе и в быту. Многослойность и многогранность образа офицера способствовали тому, что в различных исторических ситуациях актуализировались разные компоненты одного и того же образа в сознании российского общества. Это открывает перед нами перспективы понимания быстрого процесса закрепления за офицерством образа контрреволюционера в представлениях общественности в период революционных событий 1917 г. Опыт конструирования негативного образа офицера в начале столетия вновь будет востребован в обществе после свержения самодержавия в 1917 г. Это во многом было обусловлено схожими чертами пространства, в котором создавался и бытовал образ офицера российской армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева О.Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 4–19.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 218 с.
3. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.
4. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 260 с.
5. Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2012. 272 с.
6. Бринок Н.Ю. Офицеры и революция: гражданская позиция российского офицерства в 1917 г. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 193–207.
7. Поляков С.А. Роль императорской гвардии в февральской революции 1917 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 86–90.
8. Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса русской армии в период I мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 14–17.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2008. 921 с.
10. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
11. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Новосибирск. гос. пед. ун-т, 2006. 343 с.
12. Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 50–76.
13. Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 207–232.
14. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб.-метод. комплект (учебное пособие, хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
15. D.W. Письма с дальнего Востока // Вестник Европы. 1904. № 8. С. 472–498.
16. Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 83–91.
17. Н.П.А. По поводу гибели русских тихоокеанских эскадр // Мир божий. 1905. № 7. С. 40–44.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 122. Д. 51.
19. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
20. Дневники императора Николая II. М.: Захаров, 2007. Т. 2: 1905–1917. 512 с.
21. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
22. Меньшиков М.О. Остановите бегство // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 33–37.
23. Львов В. Жрецы и жертвы // Образование. 1905. № 7. С. 85–107.
24. Гейсман П.А. «Поединок» г. А. Куприна и современные фарисеи с точки зрения критики. СПб., 1905. 29 с.
25. Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 599–726.
26. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.

Shestopalova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chestopalova94@mail.ru

Shevtsov Vyacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RECONSTRUCTING THE IMAGE OF AN OFFICER IN THE MINDS OF THE RUSSIAN PUBLIC AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Keywords: image of the past; an officer of the Russian army; public consciousness.

The purpose of the article is to identify the institutions for the formation and translation of the officer's images in the minds of the Russian public at the beginning of the 20th century. Achievement of the set goal includes the following tasks: to determine the content of the category "image", to identify the sources of the formation of various images of the officer in the early 20th century, to determine the role of the periodical in the design and translation of a particular image, to characterize the area of the image. This work is of a theoretical and methodological character. The methodological base of the presented research is discourse analysis. With that we mean a special way of communication and understanding of the social world. The use of discourse analysis gave an opportunity to recreate the main characteristics and assessments of the activities of representatives of the officer corps at the beginning of the 20th century. The source base of the research consists of the materials of the Russian journalism published on the pages of different periodicals such as: "Russian Herald", "Education", "The World of God", etc.

In the course of the study, the authors came to the conclusion that at present the "image of the past" plays the role of a kind of intellectual construct, which consists of different components. The image of an officer in the minds of the Russian public is a kind of abstract symbolic model of historical reality. Its formation was influenced by personal and social knowledge. It was found that the experience of personal interaction was not always positive. This contributed to the formation of a negative image of an officer in the minds of the Russian public. In general, officers were considered as the main opponents of democratic transformations in society.

The authors believe that the periodical press on the one hand played the role of one of the main mechanisms for the translation of various images of military commanders in the early 20th century, and on the other hand it acted as one of the sources of the formation of public representations about officers. Analysis of the materials of domestic periodicals showed that at the beginning of the 20th century, there were various characteristics and assessments of the behavior of officers in service and in everyday life. Based on this, the authors came to the conclusion that there were different images of the officer in the public views at the beginning of the 20th century.

REFERENCES

1. Leontieva, O.B. (2015) Obrazy istoricheskoy real'nosti v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Images of historical reality in modern Russian historiography]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2(3). pp. 4–19.
2. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofitser'skiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat.
3. Grebenkin, I.N. (2015) *Dolg i vybor: russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1918* [Debt and choice: Russian officer in the years of world war and revolution. 1914–1918]. Moscow: AIRO-XXI.
4. Kozhev, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: Omsk State University.
5. Suryayev, V.N. (2012) *Ofitseri russkoy imperatorskoy armii. 1900–1917* [Officers of the Russian Imperial Army. 1900–1917]. Moscow: Russkoe istoricheskoe obshchestvo, Russkaya panorama.
6. Brinyuk, N.Yu. (2015) Officers and Revolution: Civic Position of Russian Officers in 1917 in Archival Materials. *Vestnik arkhivista*. 1. pp. 193–207. (In Russian).
7. Polyakov, S.A. (2013) Rol' imperatorskoy gvardii v fevral'skoy revolyutsii 1917 g. [The role of the Imperial Guard in the February Revolution of 1917]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(54). pp. 86–90.
8. Zakirov, V.Yu. (2015) Sotsial'no-mirovozzrencheskaya transformatsiya ofitser'skogo korpusa russkoy armii v period I mirovoy voyny i Grazhdanskoj voyn (1914–1920 gg.) [Socio-ideological transformation of the officer corps of the Russian army during World War I and the Civil War (1914–1920)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 4(5). pp. 14–17.
9. Ozhegov, S.I. (2008) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Mazur, L.N. (2013) The Image of the Past: Historical Memory Formation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 3(117). pp. 243–256. (In Russian).
11. Rodigina, N.N. (2006) "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka ["Another Russia": the image of Siberia in the Russian journalist press of the second half of the 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
12. Savelieva, I.M. & Poletaev, A.V. (2008) Obydennyye predstavleniya o proshlom: teoreticheskie podkhody [Ordinary ideas about the past: theoretical approaches]. In: Repina, L.P. (ed.) *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with time: memory of the past in the context of history]. Moscow: Krug". pp. 50–76.
13. Pilsky, P.M. (1906) Armiya i obshchestvo [Army and Society]. *Mir bozhij*. 8(1). pp. 207–232.
14. Makhonina, S.Ya. (2004) *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [The history of Russian journalism in the early twentieth century]. Moscow: Flinta: Nauka.
15. D.W. (1904) Pis'ma s dal'nego Vostoka [Letters from the Far East]. *Vestnik Evropy*. 8. pp. 472–498.
16. Balandin, D. (1914) Dukh i initsiativa – vyshе vsego [Spirit and initiative – above all]. *Voennyi sbornik*. 11. pp. 83–91.
17. N.P.A. (1905) Po povodu gibeli russkikh tikhookeanskikh eskadr [Regarding the death of the Russian Pacific squadrons]. *Mir bozhij*. 7. pp. 40–44.
18. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 801. List 122. File 51.
19. Kolonitsky, B.I. (2010) "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny ["Tragic erotica": Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Nicholas II. (2007) *Dnevnik imperatora Nikolaya II* [Diaries of Emperor Nicholas II]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.
21. Jorgensen, M.V. & Phillips, L. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
22. Menshikov, M.O. (1999) *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian nation]. Moscow: Moskva. pp. 33–37.
23. Lvov, V. (1905) Zhretsy i zheravy [Priests and victims]. *Obrazovanie*. 7. pp. 85–107.
24. Geisman, P.A. (1905) "Poedinok" g. A. Kuprina i sovremennyye farisei s tochki zreniya kritiki ["Duel" by Mr. A. Kuprin and the modern Pharisees from the point of view of criticism]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Starodum, N.Ya. (1905) Zhurnal'noe i literaturnoe obozrenie [Journal and Literary Review]. *Russkiy vestnik*. 6. pp. 599–726.
26. Leontieva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.